

Интервью с Ириной Будимировной ОЛИМПНЕВОЙ

«Я – СОЦИОЛОГ ВО ВТОРОМ ПОКОЛЕНИИ ...»

Олимпиева И. Б. – окончила Куйбышевский планово-экономический институт (1984 г.), аспирантура СПб государственного университета экономики и финансов, кандидат экономических наук (1990 г.) Центр независимых социологических исследований, координатор направления «Социальные исследования экономики».

Основные области научного интереса: социальные исследования экономики, неформальная экономика, трудовые отношения, социология науки и инноваций, постсоциалистическая трансформация

Интервью состоялось: май 2015 – август 2016 гг.

Рассказанное Ириной Будимировной Олимпиевой интересно в трех отношениях.

Прежде всего, это – как всегда – уникальное движение в социологию и существование в ней. Многие в рассказанном ее знакомо мне по интервью с другими социологами, прежде всего – формировавшимися в Самаре и работающими в Санкт-Петербурге. Но все вместе – индивидуально-неповторимо. И потому является, и воспринимается как новое, расширяющее наше понимание истории советской и постсоветской социологии.

Во-вторых, Ирина Олимпиева – принадлежит к V социологическому поколению. Следовательно, возникает возможность рассмотреть траекторию ее профессиональной жизни в связи с тем, что известно из интервью с ее коллегами из этой же когорты об их движении в социологию и собственно социологической деятельности. Вместе с ее рассказом о своей жизни в моей коллекции – 22 подобных интервью. Их анализ дает возможность представить основные пути вхождения социологов данной когорты в науку и сравнить их с тем, как становились социологами представители старших и младших поколений. Своеобразие социологов V поколения заключается в том, что их личностное и профессиональное становление происходило в СССР, а в социологии они – первая постсоветская генерация.

В-третьих, интервью с Ириной позволяет углубить понимание темы: «социологические династии» в российской социологии. Такая возможность следует из того факта, что она — дочь одного из старейшин нашего профессионального цеха — Будимира Гвидоновича Тукумцева (род. 1 января 1927 года). К тому же, ее дочь учится в Чикагском университете и предполагает стать социологом.

В моем ансамбле интервью находится около десятка пар «родители-дети», более того, есть интервью с представителями одной семьи, в которой уже сложилось три поколения социологов. Что обещает изучение преемственности профессии «социолог» внутри семьи? Прежде всего, эта тема относится к анализу механизмов формирования российского социологического сообщества. Вторая очевидная задача — выявление каналов сохранения накопленных в науке исследовательских традиций и нравственных императивов. И третье обстоятельство — преемственность профессии можно рассматривать в рамках концепции биографичности творчества социологов, которая представляется мне весьма продуктивной при решении ряда проблем историко-наукovedческой природы.

И. Б. Олимпиева: «Я — социолог во втором поколении ...»

Ирина, уже давно, в 2009 году, Ваш отец — Будимир Гвидонович Тукумцев — рассказал очень красивую историю Вашей семьи, но я не буду просить Вас повторить его рассказ. А Ваша мама имела отношение к социологии или философии, экономике? Вы не знаете происхождение Вашей нечастой фамилии — Олимпиева? Может быть, она — от имени Олимпий?

Будимир Гвидонович давно занимается генеалогическими изысканиями нашей семьи. Папа всегда отдавался этому процессу с присущей ему увлеченностью и основательностью, как, впрочем, он относится к любому делу за которое берется, будь то социология, садоводство-огородничество, путешествия, кулинария и т.п. Он подробно анализировал дневники своей матери, Евгении Васильевны Мейер, сохранившиеся в семейном архиве, воспоминания и записи отца, Гвидона Романовича, находил и изучал исторические тексты и художественные произведения, где упоминались события, в которых могли участвовать наши предки, сопоставлял данные семейного архива с этими описаниями, собирал и систематизировал семейные фотографии, направлял запросы в государственные архивы. В результате им было разработано весьма разветвленное генеалогическое дерево рода Мейеров-Назаревских уходящее корнями в 16 век, у которого есть и немецкие, и украинско-польские, и финско-карельские ветви. В последние годы до переезда из Самары в Санкт-Петербург папа увлекся изучением маминого крыла нашей семьи. Он интервьюировал самарских родственников с маминой стороны, собирал сохранившиеся семейные фотографии и документы. Благодаря его усилиям мы имеем сегодня довольно полное представление о происхождении родовых корней семьи Тукумцевых с обеих сторон. Что касается самой фамилии «Тукумцевы», то она появилась относительно недавно и происходит от названия города Тукумс, откуда вышли наши предки. Фамилия была придумана моим дедом в качестве псевдонима, который он был вынужден использовать в 30-е годы для публикации своих научных трудов. После войны папа сменил свою фамилию Мейер на псевдоним отца, и таким образом стал основателем еще одной семейной ветви на нашем генеалогическом древе.

О происхождении фамилии «Олимпиевы» мне известно лишь то, что семейная ветвь Олимпиевых, к которой относится отец моего мужа Всеволод Иванович, произошла из города Курск. Надо сказать, что семейству Олимпиевых есть, чем гордиться. Всеволод Иванович был доктором технических наук, многие годы руководил отделом крупного отраслевого института в Ленинграде, участвовал в Великой Отечественной войне, был ранен и имел боевые награды. Среди его родственников есть известные медики, нейрохирурги. Именем одного из них — Ивана Яковлевича Олимпиева названа улица в Донецке, где он прожил большую часть жизни и основал Донецкий медицинский институт имени А. М. Горького.

Моя мама, Галина Григорьевна Тукумцева, не имела никакого профессионального отношения к социологии. Она закончила Ленинградский железнодорожный институт и работала на Куйбышевской железной дороге, а последние лет пятнадцать своей трудовой деятельности преподавала в железнодорожном техникуме. Мама была удивительно светлым и добрым человеком, поддерживала папу во всех его начинаниях, обеспечивая надежный тыл, который давал

ему возможность предаваться любимому социологическому делу. В нашей квартире регулярно собиралась команда его социологической лаборатории, проходили обсуждения проводившихся исследований и методологические дебаты. Все неформальные «тусовки», которыми традиционно заканчивались социологические конференции и семинары, проводившиеся в Куйбышеве (а таких было немало, поскольку он был центром Поволжского отделения ССА) также происходили в нашем доме. В Куйбышев часто приезжали с лекциями и презентациями (правда в то время и слова такого еще не было) разные известные социологи со всего Советского Союза, и обязательным пунктом программы их пребывания в городе был обед или ужин у нас дома. На маму как на хозяйку ложилась серьезная нагрузка по приему гостей, особенно учитывая небольшие размеры нашей хрущевской квартиры и дефицитную советскую экономику. Однако она никогда не роптала и принимала всех с неизменным гостеприимством и искренним удовольствием. Так что можно сказать, что, даже не будучи социологом, мама внесла серьезную лепту в становление социологии в Самаре-Куйбышеве.

Вы и родились в Самаре (Куйбышеве)? Что помнится из дошкольной поры?

Да, я родилась в Куйбышеве – именно в Куйбышеве, а не в Самаре, во всяком случае мое детство и юность ассоциируются именно с этим именем. Хотя «Самара» благозвучнее и нравится мне больше, чем «Куйбышев», мне кажется, что каждый раз, когда я произношу это имя, я делаю над собой некоторое усилие.

Воспоминания из дошкольной поры совершенно разрозненные. Мы с сестрой много времени проводили у бабушки, которая жила в частном доме в «Запанском» (местное название пригорода Самары). Строили снежные пещеры во дворе, благо сугробы наметало выше окон, катались на санках с горы. Замечательной частью семейного досуга были поездки за город на лыжах всей семьей. По выходным дням Куйбышевское отделение дороги организовывало для железнодорожников специальный «лыжный» поезд, который ехал куда-нибудь далеко за город в красивые леса (например, в Курумоч, где сейчас аэропорт). Поезд ждал, пока все накатаются на лыжах, а вечером возвращался обратно. Лето мы с сестрой часто проводили в деревне Кротовка, где жили родственники по маминной линии. Там я познала все прелести деревенской жизни – парное молоко и самодельное масло (невкусное, кстати, мне магазинное всегда больше нравилось, но вот сам процесс изготовления масла в деревянной сбивалке был завораживающий), варенье из ранеток с грубым деревенским хлебом, а также гуси, куры и прочая живность со всеми сопутствующими запахами, старый велосипед, на котором ездила «под рамой», поскольку не хватало роста, поездки на мотороллере на сенокос в нарушение всех правил техники безопасности, ночные костры с местными деревенскими ребятами и т. д. и т. п.

Позже в нашем семейном летнем отдыхе появился палаточный городок на другом берегу Волги, который заменял нам дачу и где мы проводили все лето. Жили в большой брезентовой армейской палатке, куда ставились раскладушки, а на пол стелилось сено, которое сами косили и сушили на лугу неподалеку. Рядом с палаткой строилась так называемая кухня – обтянутый марлей и брезентом деревянный каркас из брусьев, со столом и лавками. В этом палаточном раю мы проводили все лето, а на зиму все разбиралось и закапывалось в специально оборудованную яму до следующей весны. Этот вид летнего семейного отдыха

заслуживает особого описания, а возможно, и исследования как форма рекреации городского населения в советское время, прежде всего тех, у кого не было возможности приобрести дачу или ездить на курорты. Палаточные городки тянулись вдоль берега Волги на многие километры, и были довольно плотно заселены вглубь от берега. Люди обустроивались капитально, с максимальным комфортом. Строили не просто «кухни», а настоящие летние дома, отделанные рубероидом, с самодельными кирпичными печками, погребями, мебелью, керосиновыми светильниками. «Заволга» — одно из самых ярких воспоминаний детства, но это уже школьный период, я, похоже, немного забежала вперед.

Школу Вы с той же теплотой вспоминаете? Это была обычная школа или специальная? Чем Вас еще в начальные годы обучения родители «грузили»?

Со второго по десятый класс я училась в школе с углубленным изучением английского языка. Школа считалась престижной, и я даже не знаю, как мои родители умудрились нас с сестрой туда устроить. К сожалению, помимо английского языка (уровень преподавания которого сильно варьировал в зависимости от педагога), у школы не было других преимуществ. Такие важнейшие предметы как литература и история преподавались слабо, по крайней мере в нашем классе. В то время я этого не замечала, но почувствовала недостаток гуманитарных знаний, когда начала заниматься социологией.

Из всех школьных предметов я больше всего любила математику. Ее вела Роза Иосифовна Сойфер, строгая, требовательная, но справедливая учительница, которая сама любила свой предмет и заставила полюбить его и нас. Я ходила на математический факультатив и с увлечением решала всякие задачки сверх школьной программы. Английский язык мне тоже нравился, хотя преподавание его в моей подгруппе оставляло желать лучшего. В девятом классе наша учительница ушла на пенсию, и ее заменила преподаватель педагогического института Нина Васильевна (не помню фамилию к сожалению). Когда она протестировала нашу группу, оказалось, что мы не знаем языка совершенно! Она взялась за нас серьезно, мы начали читать оригинальные тексты, тренировать разговорный язык и учить грамматику. И вот с этого момента я по-настоящему полюбила английский язык и стала лучшей в своей подгруппе, хотя полностью возместить упущенные годы так и не удалось. Училась я всегда неровно — периодами на круглые пятерки, но иногда приносила тройки и даже двойки. Но в целом проблем не было, учеба давалась легко.

Честно говоря, из школьных лет больше вспоминается не учеба, а внеклассная жизнь, например, кружок рисования, который я посещала в средней школе. Позже в старших классах случилось увлечение театром. Объектом моего поклонения был знаменитый Ленинградский ТЮЗ под руководством Зиновия Яковлевича Корогодского, создателя оригинальной концепции детского театра. Моя тетьа, Лада Гвидоновна Сурина, много лет заведовала педагогической частью ТЮЗа, поэтому, когда я приезжала в Ленинград на каникулы или во время гастролей ТЮЗа в Куйбышеве, доступ в театр для меня был неограничен. Я просмотрела на ступеньках и знала наизусть практически все спектакли. В нашем классе образовался фан клуб любителей ТЮЗа и театра. Мы собирались у кого-нибудь дома, читали стихи и монологи, ставили сценки, пантомимы, воспроизводили сцены из любимых тюзовских спектаклей «Наш цирк», «Наш, только наш»,

«Открытый урок» и многих других. Увлечение театром было настолько сильным, что я всерьез подумывала о поступлении в театральную студию Корогодского после окончания школы.

Еще одно серьезное увлечение в старших классах – пение в школьном вокально-инструментальном ансамбле. Мы участвовали в различных городских конкурсах, выступали на дискотеках (или танцах?? Уже не помню, как это называлось) и в составе студенческих ансамблей в конкурсах типа «студенческая весна», что вызывало особое уважение со стороны сверстников. В нашем репертуаре было много песен на английском языке, в первую очередь из репертуара Битлз. Часто для того чтобы английскую песню пропустили на конкурс, ее выдавали за песню протеста или песню борьбы против угнетателей, благо, мало кто понимал английский язык в то время. Репетиции порой затягивались до глубокой ночи, но удивительным образом это не мешало учебе.

Родители ничем особенно меня не «грузили», скорее поддерживали возникающие увлечения (и даже не ругали за поздние репетиции). Важной инициативой с их стороны было обучение нас с сестрой игре на пианино в раннем возрасте. Сначала мы ходили на занятия в районный дом культуры, а потом, когда музыкальная студия закрылась, преподавательница музыки стала давать уроки у нас дома. Надо отдать должное моим родителям, они не принуждали нас заниматься музыкой и не настаивали на том, чтобы мы ходили в музыкальную школу (такая попытка была предпринята после закрытия дома культуры, однако после пары уроков сольфеджио и музлитературы мы с сестрой взбунтовались, и тогда родители договорились с учительницей музыки об уроках на дому). Помимо музыки я увлекалась рисованием и даже умудрилась закончить художественную школу, исключительно по собственной инициативе. Особыми художественными талантами я не блистала, но очень благодарна «художке» за приобретенные навыки рисования и знания, полученные на уроках по истории искусств.

Я хотел бы понять, когда все это было? Какое было время «на дворе»? Что Ваше поколение тогда читало? Состояли ли Вы в комсомоле? Какие были планы относительно будущей профессии?

Хороший вопрос «Какое было время на дворе?». Объективно – 70-е годы. В телевизоре была программа «Время» и «Голубой огонек», фигурное катание и хоккейные битвы с «канадскими профессионалами».

Мы довольно много путешествовали всей семьей, часто ездили в Ленинград, Таллинн, Москву, побывали в Алма-Ате, проехали на пароходе от Красноярска до Дудинки. При этом я совершенно не рефлексировала на тему времени или страны.

Что читали? За все поколение сказать не могу, все довольно индивидуально. В ранние школьные годы я читала все подряд, просто брала книжки из районной библиотеки без разбору. Когда папа однажды заметил, что за чужь я поглощаю, он отвел меня к ученице своего отца, заведующей кафедрой филологии Самарского университета, Скобликовой Елене Сергеевне, у которой была огромная библиотека, включая полную библиотеку приключений. (И там я на некоторое время «поселилась»...). Что касается старшего школьного возраста, то как я уже говорила, это время, к сожалению, можно считать упущенным для знакомства с серьезной литературой. Мне стыдно признаться, что «Идиота»

Достоевского я впервые прочитала, когда мне было уже далеко за 30. Помню, что в рамках наших театральных сборищ увлекалась стихами серебряного века, Шекспиром. Вне школьной программы читали журнал «Юность», «Новый мир», «Иностранную литературу», другие литературные журналы. При этом никакого самиздата или каких-то диссидентских произведений в моем читательском репертуаре не было.

Конечно, я состояла и в комсомоле, а до этого в пионерии, что воспринималось вполне рутинно, но и отторжения не вызывало. О будущей профессии особо не задумывалась, т.е., не было какой-то цели или страстного увлечения (помимо театра). Поэтому, когда пришло время выбирать институт, реальный выбор оказался между архитектурным факультетом строительного института (с учетом моего диплома художественной школы) и Куйбышевским планово-экономическим институтом, специальность экономика труда, что было ближе к тому, чем занимался папа. Однако, насколько я помню, данный фактор при выборе института совершенно не учитывался. Скорее сыграло роль то, что в год моего поступления в некоторых вузах действовал эксперимент: при среднем балле аттестата выше 4,5 можно было поступить в институт, сдав всего два экзамена в случае набора 9 баллов. Именно этот вариант был выбран, и я благополучно поступила в плановый институт.

В моем представлении война привела в Куйбышев значительное количество сильных специалистов во всех направлениях народного хозяйства. По окончании войны многим возвращаться было некуда, и они остались там. Наверное, и в экономическом институте была сильная профессура, ведь город был одним из центров советского ВПК? Какое у Вас осталось ощущение от уровня, характера преподавания? В какую сторону экономики Вас повело?

Согласна, что эвакуация военных заводов в Куйбышев во время войны не могла не сказаться на человеческом потенциале региона. Но это касалось скорее технических специалистов, а не экономистов. Наш плановый институт по своим задачам и содержанию преподавания был ближе скорее к профессиональному колледжу, чем к университету, готовил не ученых, а специалистов для работы в народном хозяйстве — экономистов, бухгалтеров, финансистов. Гендерный состав студентов (почти 90% девочек) соответствовал статусу этих профессий в советской экономике. На факультете финансов мальчиков было больше, но все равно они составляли менее половины учащихся. Особо ярких преподавателей ученых, теоретиков в области экономической науки я не помню, что возможно объясняется особенностью преподавания на нашем факультете. Поскольку экономика и финансы были для нас не профильными предметами, а лишь общеобразовательными, читали их не самые выдающиеся преподаватели. На первых курсах мне очень нравилась политэкономия капитализма, я с огромным интересом читала Маркса и Энгельса, но так получилось, что сам предмет был интереснее преподавателя. Политэкономия социализма тоже читали довольно слабо, скучно. К тому же вела этот предмет декан факультета, поэтому значительная часть времени на занятиях уходила на решение всяких организационных вопросов. На последних курсах были довольно рутинные специальные предметы — нормирование, бухучет, промышленные технологии. Одним из самых интересных был предмет «Основы управления», благодаря которому я узнала об управлен-

ческой науке и получила некоторые базовые знания в области организационных исследований и менеджмента. С не меньшим интересом я изучала «Социальное планирование на промышленных предприятиях», в рамках которого нам фактически преподавали методику проведения социологических исследований. При этом конечно же никаких даже элементарных теоретических основ социологии этот курс не предполагал. Вела его Мирская Маргарита Иосифовна, которая стала научным руководителем моей дипломной работы.

Диплом я писала по адаптации молодых рабочих на промышленном предприятии. Он был выполнен в лучших традициях ядовской методологии. Я самостоятельно разрабатывала программу и анкету, проводила опрос на предприятии, что для студенческой дипломной работы было большой редкостью. Конечно, папа тут играл не последнюю роль, но могу сказать, что мне не стыдно за это исследование и сегодня. С результатами своего проекта я выступала на студенческих конференциях в Куйбышеве, Звенигороде и Новосибирске.

Студенческая пора – не только учеба. Это поиск себя во многих направлениях. Друзья, походы, различные формы самодеятельности, общественная деятельность, споры по новой литературе... что Вам запомнилось?

Абсолютно согласна! Для меня студенческая пора была в первую очередь именно «поиском себя во многих направлениях», и уж потом – учебой. (Успокаиваю себя тем, что это возможно проявление наследственности – папа в студенческие годы тоже больше занимался художественной самодеятельностью, чем учебой). Из студенческой жизни в первую очередь вспоминаются друзья, походы, лето в палатках за Волгой, «студенческие весны». Литературных споров не помню – мои отношения с литературой я уже описывала выше. Не могу сказать, что совсем ничего не читала, но интеллектуальных споров о прочитанном не вела, о чем сожалею сегодня, поскольку студенческие годы – лучшая пора для того, чтобы развивать умение читать и осмысливать прочитанное. Методы преподавания в нашем вузе также не способствовали развитию у студентов критического мышления (выслушал – выучил – пересказал). Не хочется, чтобы это прозвучало как жалоба, но действительно, наши преподаватели не ставили задачей обучение научной дискуссии. Интерактивные методы еще не были в моде, дискуссии не практиковались, да и не приветствовались. Но все это я осознала гораздо позже, после того как познакомилась с другими системами обучения и когда начала преподавать сама.

Одно из важных биографических событий студенческих лет – работа поваром в студенческом мужском стройотряде под Сургутом. После третьего курса всем студентам необходимо было проходить летнюю производственную практику. Это правило можно было обойти, предоставив фиктивную справку с места работы, что некоторые и делали. Альтернативой производственной практике была работа в студенческом стройотряде, что даже позволяло заработать какие-то деньги. В нашем «женском» вузе выбор стройотрядов был не очень разнообразен. Можно было заниматься хозяйственными работами в институте, выезжать на сельхозработы в область, либо штукатурировать стены на местных стройках. Но было два или три «настоящих» стройотряда, в которых работали в основном мужчины, среди которых некоторые были далеко не студенческого возраста, и имели к нашему институту весьма условное отношение. Эти межинститутские

шашки ездили на заработки преимущественно на Север или Дальний Восток, и попасть в такой стройотряд было очень непросто. Каким-то образом по знакомству моя подруга устроила нас поварами в отряд, который должен был строить автовокзал на болотах в районе Сургута. Нас с подругой во всей этой истории деньги привлекали в наименьшей степени, но манила романтика – Север, болота, отдаленность от дома, преодоление трудностей и т.п. При этом ни она, ни я никогда до этого дома не занимались приготовлением еды и плохо себе представляли, что такое накормить 30 голодных мужчин после тяжелой физической работы. Моя мама долго не могла простить, что я, когда уезжала в стройотряд, вырвала несколько страниц из ее любимой поваренной книги в надежде, что они мне хоть как-то помогут в Сургуте. Конечно, эти рецепты оказались совершенно бесполезными в условиях жесткого дефицита продуктов, в котором нам пришлось работать. Помню, как в конце пребывания в Сургуте я нашла эти листочки, и мы хохотали до слез зачитывая их вслух: «на 2 литра воды 1 банку тушенки, 3 картофелины и т.п...». По нашим раскладкам 1 банка тушенки шла на ведро воды, как мы шутили, «для запаха», а картошка в Сургуте была безумно дорогая, поэтому мы везли ее из Куйбышева, по 4 кг на человека, а также лук и чеснок для профилактики цинги, поскольку свежие овощи и фрукты в рационе питания не предполагались. Безусловно, стройотряд был для меня важным социальным опытом, о котором можно написать отдельные воспоминания. Я впервые так надолго и так далеко уехала из дома, работа была тяжелой и физически, и психологически, общаться в мужском коллективе тоже было не просто. Но из этого опыта вспоминаются и совершенно замечательные моменты – удивительная северная природа, сбор морошки на болотах, поездки на рыбалку, участие в фестивалях стройотрядовской самодеятельности и т. д. В нашей кулинарной практике было немало казусов, о которых можно вспоминать бесконечно, а также приключений с нашим «трудным подростком» – парнишкой после колонии, принятого стройотрядом на трудовое воспитание и которого мы с моей подругой опекали. Именно в его исполнении я впервые услышала знаменитую «Мурку».

Студенческие годы стали началом моего пожизненного увлечения бардовской песней, или КСП (клуб самодеятельной песни), что во многом определило круг моих друзей, образ жизни и интересы. Известно, что Куйбышев был одним из центров бардовского движения. Именно под Куйбышевым на Мазюковских озерах проводился знаменитый Грушинский фестиваль, собиравший тысячи бардов и любителей жанра со всей страны. Об этом движении написано незаслуженно мало.

Итак, институт завершен, опыт жизни в разных средах накоплен, молодежная культура той поры освоена, что дальше? Аспирантура, сразу социологическая работа или иные варианты?

О, нет! Об аспирантуре сразу после института речи не шло. Если вы помните, в системе высшего образования существовало обязательное «распределение», когда по окончании института нужно было отработать три года по месту направления. Как правило, распределялись выпускники не в самые привлекательные регионы страны. Разумеется, имелись многочисленные пути обхода этого правила. Для того, чтобы остаться в городе, выпускники оформляли

«вызовы» с других мест работы, получали открепления из мест распределения, и т.п. Но все эти были варианты были не для нашей семьи, да и самой мне не хотелось изворачиваться и хитрить. Я должна была честно отработать свои 3 года по месту распределения, это не обсуждалось.

Выбор места распределения проходил по конкурсу. Составлялся рейтинг выпускников факультета по количеству набранных за все годы в институте баллов. Учитывались в первую очередь результаты учебы, но баллы также начислялись за общественную деятельность, и прочие достижения (например, какие-то баллы начислялись за выступления на студенческих конференциях, спортивные награды и даже, если не ошибаюсь, участие в самодеятельности). По итогам этого рейтинга я оказалась в первой десятке, точнее уже сейчас не помню. Тем не менее, к моменту, когда я предстала перед комиссией, мест в Куйбышеве уже не осталось. И я выбрала город Пензу, где требовался специалист по труду для работы в крупном производственном объединении, которое как оказалось позже, имело отношение к военно-промышленному комплексу.

Честно говоря, я не ставила для себя цели остаться в Куйбышеве, поэтому не расстраивалась, что вакансии в городе закончились. Папа был весьма доволен, поскольку, имея дело с заводской социологией считал, что мне необходим практический опыт работы на предприятии. Мама конечно втайне хотела, чтобы я осталась дома, однако в процесс не вмешивалась и считала, что я сама должна решить для себя этот вопрос. И вот я поехала в Пензу, точнее, поехали мы вместе с папой (поскольку я все-таки я сильно трусила). Папу пустили вместе со мной на территорию предприятия, и он даже присутствовал при первом разговоре с начальником отдела труда и заработной платы. Мне предложили два варианта работы внутри завода. Первый – нормировщиком в БТЗ (бюро труда и зарплаты) в одном из производственных цехов, второй – специалистом ОТИЗа в так называемом «белом доме» (заводоуправлении). При этом начальник ОТИЗа, осторожно посмотрел на папу и сказал, что конечно, он готов взять меня в заводоуправление. Но папа немедленно возразил, что для моего опыта будет полезно познать всю производственную правду жизни как она есть. И я со всем уважением к папе и присущей мне жаждой приключений решила пойти в цех, о чем в последствии ни разу не пожалела.

Цех оказался самым большим в структуре предприятия (численность работников более 500 чел). По сути, это был завод в заводе с полным технологическим циклом, включавшим термичку, механообработку, трубный участок, малярку и гальванику, швейный участок и сборку. Вход на сборочный участок был разрешен только по допуску.

Я начала работать в цехе рядовым нормировщиком, но менее чем через год сложилась ситуация, когда мне пришлось стать начальником БТЗ. Это произошло довольно неожиданно для меня. У цеха была плохая история. Буквально за несколько месяцев до моего приезда прежняя начальница БТЗи начальник цеха были уличены в крупных хищениях и приписках. После их увольнения был назначен новый начальник цеха, а вот на позицию начальника БТЗ никак не могли найти человека, никто не хотел ее занимать. Те, кто знаком с работой промышленных предприятий знают, что должность начальника БТЗ, мягко говоря, не привлекательная – трудоемкая и конфликтная. Непривлекательность должности начальника БТЗ в нашем цехе усугублялась усиленным контролем

со стороны администрации, что было связано с недавней историей. И вот когда очередная временная и.о. начальника БТЗ отказалась работать и ушла со скандалом в «белый дом», оказалось, что кроме меня в бюро труда и зарплаты больше не осталось людей с высшим образованием, что было обязательным требованием для занятия должности. Кандидаты из других цехов и тем более из «белого дома» не предвиделись, никто в наш цех идти не хотел. Так и получилось, что мне предложили стать временным и.о. начальника БТЗ. На тот момент мне было 22 года, и в моем подчинении оказался очень непростой женский коллектив, состоящий из 5 нормировщиц разного возраста, которые учили меня, каждая по-своему, профессии и жизни. Поначалу все было очень непросто. В дни сдачи нарядов я засиживалась на заводе до темна, а вставать надо было в 6 чтобы успеть на работу к 7.30. Но главным конечно был страх совершить ошибку, поскольку от этого зависел расчет зарплаты всего цеха. И ошибки конечно были, и были разборки с рабочими, но мы как-то находили общий язык. По своей работе я много общалась не только с рабочими, но и с технологами, специалистами, с начальниками участков и мастерами. Надо сказать, что я довольно быстро освоилась в новой роли, и через полгода мне предложили стать начальником БТЗ на постоянной основе. Несмотря на то, что это сулило существенное повышение заработной платы, я изо всех сил сопротивлялась, потому что не хотела оформлять допуск на закрытый участок сборки. К тому времени я уже один раз съездила за границу в Югославию и собиралась осваивать «заграницу» и дальше, а с допуском это было бы невозможно.

В целом, для карьеры социолога труда три года работы на заводе были бесценным опытом. Я получила представление о том, как работает промышленное предприятие, об особенностях разных категорий персонала, о внутренних проблемах и организационных конфликтах. Я также получила прекрасное представление о рабочей культуре, поскольку жила в рабочем женском общежитии, в комнате с двумя соседками. Женская рабочая общага — это отдельная тема для рассказа. Она располагалась в старом двухэтажном доме послевоенной постройки с одним общим туалетом на первом этаже (без унитазов, разумеется), общей кухней там же, и умывалкой без горячей воды. Мыться ходили в баню, а горячую воду для стирки набирали из батареи. Вода была желтая и пахучая, но зато ее не надо было греть на плите. Атрибутами общежитской культуры были частые пьянки, строгие вахтерши на входе, набег парней из мужской общаги через окна. В общем, есть что вспомнить.

Помимо работы на заводе Пенза для меня ассоциируется с клубом бардовской песни Менестрель, где я обрела прекрасных друзей. Такой великолепной душевной компании у меня не случилось ни до, ни после Пензы. Это были поистине три года счастья и наслаждения дружеским общением. Мы пели прекрасные песни прекрасных авторов, мотались по КСПшным фестивалям, ходили в байдарочные походы, устраивали концерты и придумывали всякие творческие заморочки, катались на лыжах (даже на горных, что по тем временам было редкостью), и т.д. Именно в Менестреле я получила первый опыт сценического исполнения песен под гитару, и думаю, что моя творческая карьера исполнителя авторской песни была заложена именно тогда. Но, наверное, для профессиональной биографии это не столь существенно...

Ира, то, что вы здесь рассказали о лыжах, концертах, авторской песне —

не просто интересно читать, но крайне важно для понимания того, кто Вы есть. В моем понимании, поведение человека в т.н. «пространстве свободы» в годы застоя – самым интересным образом характеризует его. К тому же, я развиваю тезис о «биографичности» творчества социолога, и всегда интересно найти в профессиональной жизни социолога следы его поведения в «пространстве свободы» и в до-социологической деятельности в целом. Теперь вопрос: «Как от всего этого вы начали движение в социологию?», «Что было импульсом для такого поворота траектории вашей жизни?»

Мое «движение в социологию» безусловно начиналось с моего отца, я – социолог во втором поколении. Будимир Гвидонович Тукумцев был и остается моим Учителем с большой буквы и главным профессиональным гуру, которого я бесконечно уважаю и которым очень горжусь. При этом я никогда не испытывала какого-либо давления или навязчивых ожиданий со стороны моего отца, скорее он увлекал меня своими исследовательскими интересами, энергией, оптимизмом и работоспособностью. Возможно, права поговорка, что «на детях природа отдыхает», но я надеюсь, что моя дочь Евгения, которая учится сейчас в Чикагском университете и представляет уже третье поколение социальных ученых в нашей семье, унаследовала эти прекрасные качества своего деда.

После Пензы я вернулась в Куйбышев, и проработав год в лаборатории НИСа планового института, где очень пригодились мои навыки нормировщика, в 1987 году поступила в аспирантуру Ленинградского Финансово-экономического института на кафедру Социологии и НОТ. Свое поступление в аспирантуру, как это ни странно, я не могу назвать «поворотом» к социологии. Я хочу сказать, что поступая в аспирантуру по специальности «экономическая социология и социология труда», я имела весьма узкие представления о самой науке социологии. Она ассоциировалась (по понятным причинам) с исследованиями трудового поведения, мотивации, организационного управления и т.п. В этом смысле мне повезло, что я поступила на кафедру, которой руководил Гелий Николаевич Черкасов, создатель оригинального научного подхода к исследованию труда, сочетающего социологию, социальную психологию, научную организацию труда и управление персоналом. Гелий Николаевич был безусловно харизматической личностью, и собрал вокруг себя команду интересных исследователей, среди которых были такие как, например, Овсей Ирмович Шкаратан, Алла Константиновна Назимова и другие. И хотя к моменту моего поступления в аспирантуру они уже работали в Москве, их имена часто упоминались на кафедре. На кафедре работали многие ученики и последователи Черкасова – Альфред Альфредович Сарно, Сергей Иосифович Файбушевич, Александр Львович Слободской, Ирина Владимировна Андреева и многие другие. Видимо благодаря харизме Черкасова на кафедре царил творческая и доброжелательная атмосфера, по крайней мере мне тогда так казалось. К сожалению, мое знакомство с Гелием Николаевичем было непродолжительным, он ушел из жизни уже через год после моего поступления в аспирантуру, и в течение этого года почти не появлялся на кафедре из-за болезни.

Научным руководителем моей диссертации была Галина Александровна Силантьева. Именно благодаря ее прекрасным организаторским способностям и замечательным человеческим качествам мне удалось написать и защитить диссертацию в положенный срок, за что я очень ей признательна. Тема диссертации

была связана с изучением механизмов восприятия заработной платы работниками промышленных предприятий. Я проводила сравнительное исследование на предприятиях Куйбышева и Ленинграда. После защиты диссертации я осталась работать в исследовательском секторе института.

Моя преподавательская карьера началась в 1994 году, когда я вернулась на кафедру после декретного отпуска. В эпоху перемен все меняется быстро. За семь лет с момента моего поступления в аспирантуру стандарты преподавания социологии в Финэке изменилась кардинально. На вступительных экзаменах в аспирантуру я сдавала историю КПСС, на экзамене по кандидатскому минимуму в 1989 году вопросы касались в основном методики и техники социологических исследований (что неудивительно, если учесть, что в советское время социология преподавалась лишь в отдельных университетах, а в ФИНЭКе диссертационный совет присваивал степень кандидата экономических наук, хотя и по специальности социология труда и экономическая социология). А вот когда я начала преподавать курс «Введение в социологию» в 1994 году, он уже должен был содержать основы социологической теории, о которой я не имела ни малейшего представления. Есть такое выражение «идти на одну ночь впереди студентов» — это был как раз мой случай. Первый год преподавания курса «Введение в социологию» стал по сути моим собственным университетом, и неизвестно, кто больше приобрел знаний в этом процессе, студенты или я сама. Забавно, что имея степень кандидата наук (хотя и экономических), я узнала о существовании классических теорий Вебера, Дюркгейма, Спенсера, Парсонса и многих других классиков социологии именно благодаря преподаванию этого курса. Интернета у нас в то время еще не было, поэтому поиски книг и статей в библиотеке и подготовка к лекциям занимали все мое время и днем, и ночью. Жизнь моя выстраивалась буквально от лекции до лекции. Позже с накоплением преподавательского и исследовательского опыта конечно все изменилось. Но книга Раймона Арона «Этапы развития социологической мысли», зачитанная мною до дыр, по-прежнему стоит на полке в моей домашней библиотеке, напоминая о том непрестом времени.

Отдельной строкой моей профессиональной биографии периода ФИНЭКа я бы выделила знакомство с Самуилом Ароновичем Кугелем и работу в его лаборатории на Невском 6. Я познакомилась с ним во время спецкурса по социологии науки, который он читал для аспирантов ФИНЭКа. Однако наше постоянное сотрудничество началось уже после моей защиты, когда Самуил Аронович привлек меня к участию в мониторинге научных организаций Санкт-Петербурга, проводившемся на протяжении многих лет. Поначалу я воспринимала эту работу как некое побочное занятие, позволяющее реализовать мои навыки проведения социологических опросов, которые были так востребованы в лаборатории. Я не предполагала заниматься социологией науки серьезно, но постепенно по мере общения с СА все больше втягивалась в работу по мониторингу и другие исследования ученых Санкт-Петербурга. Мы получали интересные данные о трансформации научных организаций в период институциональной перестройки советской науки, о мотивации научной деятельности, о миграционных настроениях ученых, особенно актуальных в то время. Предметом моего особого интереса были неформальные стратегии экономического выживания ученых и научных организаций. Результаты мониторинга публиковались в отдельных информационных брошюрах, а также в ежегоднике «Проблемы деятельности

ученого и научных коллективов», который выпускался лабораторией. Работа у Кугеля помимо прочего имела для меня большое образовательное значение, я знакомилась с концепциями Роберта Мертона, Куна, изучала зарубежные исследования научных организаций.

Надо сказать, что в лаборатории на Невском 6 привлекала не только интересная работа, но и особая аура этого места. Лаборатория была «вотчиной» Самуила Ароновича, где действовали его правила, царила гостеприимная атмосфера, которую он поддерживал. В лаборатории не было постоянного штата, помимо самого СА и секретаря, но ее орбиту входил довольно стабильный состав исследователей из разных научных организаций города, которые постоянно участвовали в проектах. Особенно отличало Самуила Ароновича умение привлекать в свои проекты молодежь. Его неутомимость, оптимизм и неиссякаемый интерес к жизни, были заразительны. Меня потрясли масштабы его социальных сетей. В лабораторию постоянно приходили и приезжали разные интересные люди, общались, засиживались до позднего вечера, распивали чай (и любимый Самуилом Ароновичем коньяк, что было предметом постоянных шуток), разговаривали. Но, пожалуй, наиболее ярким воплощением персонально-сетевого характера научных коммуникаций СА была Международная школа социологии науки и техники, которая проводилась в Санкт-Петербурге под его руководством начиная с 1994 года. В работе школы Самуил Аронович умудрялся соединить представителей самых разных научных дисциплин и свести под один тематический «зонтик» казалось бы совершенно несовместимые темы. Несмотря на то, что основным языком был русский, в работе Школы неизменно участвовали иностранные ученые, что было очень прогрессивным для того времени. Участники школы, особенно молодежь, имели возможность слушать лекции, которые иногда носили просветительский характер, часто не имеющий прямого отношения к тематике Школы. Так, например, на лекциях известного венгерского социолога Пала Тамаша был неизменный аншлаг, он делал как правило по несколько выступлений на каждой школе на самые разные темы, порой не имеющие никакого отношения к социологии науки. Благодаря демократическому формату Школы ее участники не только получали новые знания, но имели возможность непосредственного общения с зарубежными учеными, получали представление о международных стандартах научной коммуникации, что было особенно важно для молодых исследователей. Поэтому несмотря на довольно специфичный формат, я оцениваю значение Школы в моей профессиональной жизни очень высоко, как с точки зрения научной социализации, так и в плане приобретения организационного опыта, поскольку на протяжении нескольких лет была членом научного совета Школы.

Думаю, что могу с полным основанием назвать Самуила Ароновича своим биографическим агентом. Именно благодаря опыту работы в лаборатории на Невском 6 среди моих научных интересов появилась социология науки, а позже и социология инноваций, которые занимают важное место в тематике сегодняшних исследований.

Ира, я нарушу один из принципов моего интервьюирования и задам Вам один «долгоиграющий» вопрос. Сами решите, что Вы расскажете о своей работе в Центре независимых социологических исследований.

Я, пожалуй, ограничусь двумя моментами, которые мне кажутся поворотными в моей профессиональной биографии. Первый из них – знакомство с Виктором Воронковым, директором Центра независимых социологических исследований, которое произошло на кафедре ФИНЭКа в 1998 году. В тот момент Центр искал сотрудника в проект по инновационным сетям и промышленной модернизации, и здесь как нельзя кстати пришелся мой опыт исследования ученых и научных организаций Санкт-Петербурга. Проект был международный, финансировался Академией наук Финляндии, что делало его вдвойне интересным и привлекательным. Так я оказалась в ЦНСИ – независимой исследовательской организации, созданной группой питерских социологов совместно с немецкими коллегами в начале 90-х, которые одними из первых в России начали продвижение качественных методов в отечественной социологии. Думаю, что настоящий “поворот к социологии”, о котором Вы спрашивали выше, случился для меня именно с приходом в ЦНСИ.

Центр в то время располагался на Васильевском острове в помещении бывшей коммунальной квартиры. С самого первого посещения я поняла, что эта организация совершенно не похожа на те, с которыми мне доводилось сталкиваться прежде. Бросалась в глаза демократическая, дружеская обстановка и отсутствие каких-либо признаков формальной иерархии, например, кабинета директора как такового, или действующее в Центре правило обращения к директору по имени и “на ты”. Большинство сотрудников Центра были младше 30 лет. (Для сравнения – на кафедре ФИНЭКа на тот момент я в свои 36 была едва ли не самым молодым преподавателем). Моя первая беседа с Виктором Воронковым продолжалась более двух часов и вспоминается, что в течение разговора я испытывала постоянную неловкость от того, что «сам директор» уделяет моей скромной персоне так много своего драгоценного времени. Позже я узнала, что вовсе не была исключением, и что внимание уделяется каждому новичку, приходящему в ЦНСИ. С присущим ему подвижническим энтузиазмом Виктор рассказывал мне об идее и истории создания Центра, о текущих проектах и сотрудниках, о советской социологии и значении интеграции в международное научное сообщество, и о многом другом. Именно тогда от него я впервые узнала о существовании качественной методологии, о глубинных интервью и включенном наблюдении, и получила в библиотеке книжку Питера Бергера и Томаса Лукмана «Социальное конструирование реальности» для обязательного прочтения (надо заметить, что библиотека в Центре всегда была объектом особой заботы директора и предметом гордости сотрудников). Дружеские отношения не мешали острым дебатам на семинарах, которые составляли неотъемлемую часть научной жизни ЦНСИ. Обстановка в Центре была настолько неформальной, что трудно было воспринимать его как “место работы”. Сюда было просто интересно и приятно приходить. Я начала посещать методологические семинары, участвовала в обсуждении проектов и планов, осваивала качественные методы, все больше включаясь в центровское сообщество.

Проект, благодаря которому я оказалась в ЦНСИ, предполагал проведение кейс-стади нескольких научных организаций Санкт-Петербурга. Я занималась поиском кейсов для исследования и отбором информантов, проведением и анализом интервью и наблюдений, что было новым исследовательским опытом, в процессе которого происходило освоение и (само)обучение качествен-

ным методам полевого исследования. Другой важный опыт, который я обрела в ЦНСИ, был связан с навыками работы в международной исследовательской команде, участие в семинарах и дискуссиях, опыт презентаций на английском, первый выезд в университет города Тампере на рабочий семинар по проекту. Появился стимул совершенствования английского языка, который хотя был достаточен для повседневного общения, но, как оказалось, не очень годился для научных дискуссий.

В течение последующих 18 лет работы в ЦНСИ я занималась самыми разными темами – от инновационного предпринимательства и трудовых протестов до исследований деревенских миров на постсоветском пространстве и частных школ Санкт-Петербурга. Такое тематическое разнообразие было связано прежде всего с проектным характером работы в ЦНСИ. Организационная структура Центра никогда не предполагала жесткого разделения на тематические отделы. В первые годы создания ЦНСИ все занимались всем. С расширением спектра исследований появились так называемые научные направления – относительно устойчивые тематические блоки, которые складывались исходя из научных интересов сотрудников. Среди старейших направлений можно назвать исследования границ, этничности иммиграций, с которых начинался ЦНСИ в 90-е годы. В течение многих лет в ЦНСИ работает гендерное направление и группа экологических социологов. Относительно недавно оформились в самостоятельные направления социальные исследования экономики, исследования городского пространства, социология общества и права. Границы между направлениями подвижны, и каждый сотрудник может участвовать в любом проекте. Другая причина многотемья связана, как мне кажется, с особенностями небольших исследовательских организаций подобных ЦНСИ, живущих на гранты. В таких организациях исследователям сложно сохранить узкую специализацию, как например в государственных научных институтах, поскольку они вынуждены постоянно ориентироваться на тематические приоритеты грантодателей. В таком формате работы есть свои плюсы и минусы. С одной стороны, неизбежно страдает глубина проработки темы, поскольку на нее никогда не хватает времени, когда по окончании проекта по одной теме необходимо срочно переключаться на другую. С другой стороны, многотемье не дает заикливаться на узкой проблематике, развивает научную эрудицию и комплексный взгляд на исследуемые проблемы.

В ЦНСИ я координирую направление “Социальные исследования экономики”; направление оформилось примерно в 2006 году и зафиксировало три исследовательские темы, отражающие основные научные интересы, которые сформировались за время моей работы в Центре. Первая из них связана с неформальной экономикой, понимаемой в широком смысле как неформальные механизмы социально-экономических взаимодействий в сфере экономики и повседневной жизни. Начиналось направление с серии исследований коррупции в малом и среднем бизнесе, которые мы проводили совместно с венгерскими и американскими коллегами. Благодаря глубинным интервью с бизнесменами, проводившимся в этих проектах, был обнаружен интересный феномен коррупционного посредничества в малом и среднем бизнесе, который в то время начинало формироваться в устойчивый (и формализованный) институт, обслуживающий взаимодействия бизнеса и власти. В наших исследованиях коррупции использовался качественный подход, рассматривающий данный феномен

с учетом социо-культурного контекста, в котором реализуются коррупционные отношения. Значимой публикацией для описания этого подхода стал сборник «Борьба с ветряными мельницами? Социокультурный подход к исследованию коррупции», в котором помимо результатов собственных исследований были опубликованы переведенные нами же для своих исследований интереснейшие тексты о подходах к анализу коррупции в странах «третьего мира», хорошо демонстрирующие контекстуальность этого явления. Исследования неформальной экономики не ограничиваются темой коррупции. Мы изучаем неформальные практики и взаимодействия в самых разных сферах общества, организациях, повседневной жизни и бизнесе, что позволяет понять, как в реальности функционируют институты и сообщества.

Другой составляющей направления «Социальные исследования экономики» является исследования индустриальных отношений, под которыми понимается институциональные взаимодействия коллективных интересов труда, капитала и государства. Мое возвращение к трудовой тематике состоялось во многом благодаря одному из ближайших друзей и соратников ЦНСИ профессору университета Билефельда Юргену Фельдхоффу, который посоветовал мне обратить внимание на данную тему. Будучи хорошо разработанной областью знаний в западной науке, перспектива индустриальных отношений практически не используется в России, где по сложившейся исследовательской традиции больше внимания уделяется отношению работников к труду, чем на их взаимодействие с работодателем, профсоюзами и государством.

Наши исследования в основном сфокусированы на профсоюзах как институте коллективного представительства интересов труда и их особенностях в России. Начало этой тематики было положено совместными проектами с немецкими коллегами, в которых мы изучали влияние глобализации на систему индустриальных отношений в судостроительных отраслях Германии и России. В дальнейшем проводились многочисленные исследования российских профсоюзов, официальных и альтернативных, по результатам которых была опубликована монография «Российские профсоюзы в системе регулирования социально-трудовых отношений». Я также изучала профсоюзы в Америке, в штате Мэриленд, во время стажировки в CCSC, Центре исследований гражданского общества университета Дж. Хопкинса (JHU) в Балтиморе в 2010 году: интервьюировала профсоюзных боссов, наблюдала за процессами лоббирования во время парламентских сессий. Исследование обнаружило интересные тенденции, связанные с растущей ролью коалиций между профсоюзами и организациями некоммерческого сектора в США. Профсоюзы сегодня расширяют спектр деятельности, уходя от чисто трудовых вопросов и уделяя все больше внимания общесоциальным проблемам (гендерная дискриминация и этническое неравенство, проблемы экологии, сексуальные меньшинства и миграция и т.п.), что в разной степени характерно не только для американских, но и для европейских, и российских профсоюзов. Позднее я получила возможность продолжить работу над профсоюзной тематикой в SAIS (Школа международных исследований Пола Х. Ницшепри JHU), которая является одним из ведущих исследовательских и образовательных институтов в области международных отношений. Здесь я изучала процессы политизации профсоюзов России, которое наблюдаются в последнее десятилетие, истоки растущего политического влияния профсою-

зов в последние годы. Другой аспект исследования труда, которым я продолжаю заниматься и сегодня, это трудовые протесты и их роль в разных институциональных моделях представительства интересов труда. В этих исследованиях мы тесно сотрудничаем с российскими и американскими коллегами. Важно, что результаты исследований использовались при разработке курса, который я до недавнего времени преподавала в международной МА программе “European Societies” – совместный образовательный проект СПбГУ и университета Билефельда.

И наконец, третий исследовательский фокус – инновационная экономика России, и в частности, социально-экономические и культурные факторы, препятствующие конвертации научно-технического потенциала российской науки в инновационные технологии. Инновационная экономика – относительно новая для меня тема, но в то же время, она опирается на имеющийся багаж исследований науки и научных организаций. В 2012 году я имела возможность участвовать в масштабном проекте Европейского Университета по исследованию социокультурных факторов инновационного предпринимательства в Финляндии, Тайване, Южной Корее и России. Продолжением этого исследования стало сотрудничество с финскими коллегами из СЕМАТ (Центра исследований рынков в трансформирующихся экономиках) Школы менеджмента Университета Аалто в Хельсинки). Сравнивая биографические нарративы финских и российских техно-предпринимателей, мы пытались показать, как институциональный контекст и особенности института науки в разных странах влияют на формирование профессиональной идентичности инновационных предпринимателей, пришедших в бизнес из науки.

В целом знакомство с ЦНСИ можно считать основным водоразделом, разделившим мою профессиональную биографию на «до» и «после». Среди прочих связанных с ЦНСИ событий, качественно изменивших мою профессиональную жизнь, нужно безусловно отметить выход в «международное научное пространство», которое было в значительной степени предопределено работой в ЦНСИ. В 1999 году я подала заявку на участие в конкурсе программы обмена для молодых преподавателей JFDP (Junior Faculty Development Program) и попала на годичную стажировку в Университет Канзаса. Программа предполагала разработку учебного курса в какой-либо новой научной области. Я заявила курс по экономической социологии, который планировала преподавать в ФИНЭКе. Для меня до сих пор остается загадкой, почему программа направила меня именно в университет Канзаса, потому что как выяснилось, курс по экономической социологии там не преподавался, и был лишь один специалист, который имел представление о данной области. Поэтому мне снова пришлось осваивать новую область знаний самостоятельно. Не считая этого небольшого нюанса, можно сказать, что программа была чрезвычайно познавательной. Нас обучали работе с компьютером, включая пользование интернетом – благодаря программе я завела первый в своей жизни почтовый аккаунт на yahoo. Программа давала возможность посещать лекции и семинары в принимающих университетах по договоренности с преподавателями, на что они как правило охотно соглашались. За время своего пребывания в Канзасе я прослушала курс введения в социологию, который меня хотя и не вдохновил, но позволил получить представление о том, как преподается в Америке социология для не социологов, а также основы социальной статистики для бакалавров, посещала отдельные интересные семи-

нары. В требования программы не включалось регулярное преподавание, однако чтение лекций, выступления на семинарах по типу brown bag meetings всячески приветствовалось, и этот опыт был также чрезвычайно полезен. Особенно прекрасно было то, что программа предоставляла некоторый фонд для поездок на конференции, который при экономном расходовании (например, использование автобусов Greyhound вместо самолетов, ночевки у знакомых вместо гостиниц) позволял посетить много интересных научных событий в разных штатах. Из наиболее запомнившихся – конференция в Бостоне, в Institute on Culture, Religion and World Affairs, где я имела возможность воочию лицезреть Питера Бергера, основателя концепции социального конструирования реальности, столь почитаемой в ЦНСИ. Это была небольшая уютная конференция, довольно узкой направленности, где участники хорошо знали друг друга, и дискуссия развивалась вокруг конкретных вопросов. В тот момент я еще не владела английским настолько, чтобы решиться на презентацию, но к счастью, программа не требовала обязательного выступления для посещения конференции, главное, чтобы тема соответствовала научному профилю аппликанта. Совершенно иной формат научного сборища представлял многолюдный конгресс Социологической Ассоциации Среднего Запада (Midwest Sociological Society), который проходил в Мариотт отеле города Чикаго. ОТЕЛЬ производил впечатление гигантского муравейника, толпы людей сновали между презентационными залами, где заседали самые разнообразные секции, на одной из которых (уже не помню, на какой именно) я представляла доклад о том, что такое быть ученым в переходной экономике. Чикаго запомнился ужасной февральской погодой – сильный ветер с дождем – и посещением джаз клуба легендарного Бадди Гая, где мы просидели до утра слушая джем сессии с участием великолепных джазовых музыкантов из разных штатов.

Пожалуй, наиболее экзотичный научно-исследовательский опыт за время моего пребывания в Америке связан с проведением включенного наблюдения в приюте для бездомных, где я прожила около месяца. История такова. В конце программы JFDP после обязательных 9 месяцев пребывания в принимающем университете, стипендиаты по желанию могли остаться еще на два месяца на стажировку (internship). Место стажировки каждый выбирал сам. Большинство оставались в своих же университетах, некоторые находили места в других организациях. Поскольку мне очень хотелось поучаствовать в каком-то настоящем исследовании, я попросилась в проект по изучению Edgewood neighborhood – беднейшего района Сан-Антонио в Техасе, который населяют неформальные мигранты из Мексики. Руководителем проекта был исследователь университета Сан-Антонио Рейз Рамос, один из последователей Гарфинкеля и просто чудесный человек. Узнав, что меня интересует неформальная экономика и сети взаимоподдержки среди бедного населения, он как истинный этнометодолог предложил мне поселиться в так называемом переходном центре (по сути приют для бездомных), чтобы иметь возможность понаблюдать беднейшее комьюнити «изнутри». Я не планировала свое пребывание в Dwyer как самостоятельное исследование, но лишь как некий экзотический ego-trip, который должен был дополнить мое участие в проекте. Однако в итоге оказалось, что именно пребывание в Dwyer дало мне гораздо больше информации о жизни беднейшего комьюнити Сан Антонио, чем все интервью и фокус группы, которые я посе-

шала в рамках проекта. Пребывание в Dwyer стало первым опытом исследования в другой культурной и языковой среде, где я столкнулась практически со всеми традиционными проблемами включенного наблюдения, описанными в разное время разными исследователями в методической литературе: всевозможные барьеры входа в поле, боязнь информантов, поиск точек фиксации и выбор собеседников, валидность получаемой информации и языковые проблемы коммуникации и т.п. Важным итогом моего пребывания в Dwyer оказалось осознание ограниченности (а иногда и бессмысленности) метода интервью в данном контексте из-за возможного психического травмирования одних информантов и заведомой неискренности других. К своему большому разочарованию я поняла, что в интервью, провести которые я так стремилась, обитатели шелтера преподносили мне готовые биографии, предназначенные для ушей социальных работников, а не истории своей жизни. Интервьюирование имело важное ритуальное значение скорее для меня самой, давая ощущение проделанной работы, и создавая иллюзию сокращения дистанции между мной и обитателями Dwyer. Свои рефлексии о жизни в шелтере я постаралась обобщить в статье «Стать бездомным в Америке», написанной для сборника «Уйти чтобы остаться. Социолог в поле», опубликованного ЦНСИ в 2009 году.

После возвращения из Америки я постепенно сокращала свою занятость в ФИНЭКе и в декабре 2000 года окончательно перешла в ЦНСИ, где и работаю по сей день.

Ира, и еще у меня есть к Вам один вопрос. Вы – избранный председатель Санкт-Петербургской социологической ассоциации. Сколько человек сейчас, пусть формально, состоит в ассоциации? В чем заключается работа ассоциации?

Сегодня Санкт-Петербургская ассоциация социологов насчитывает порядка 90 человек, и это реальная численность. СПАС это профессиональная ассоциация, которая объединяет социологов Санкт-Петербурга, работающих в разных организациях города. Первоочередной задачей ассоциации является информационный обмен. Правление организует информационную рассылку о профессиональных событиях, конкурсах и грантах в России и за рубежом. На новостной ленте сайта СПАС можно найти информацию о проходящих в городе социологических мероприятиях. В рамках ассоциации действуют несколько тематических секций, объединяющих социологов со схожими исследовательскими интересами. СПАС организует дискуссии по актуальным вопросам, публичные обсуждения вокруг знаковых общественных событий. В последнее время все большее значение приобретает представительство и защита профессиональных интересов социологов. Так, например, в недавнем публичном обращении мы выступали против закона об иностранных агентах и в частности, принятой в нем трактовки понятия политической деятельности, которая ставит под удар организации, занимающиеся социологическими опросами. В идеале ассоциация призвана способствовать межинституциональным научным коммуникациям внутри городского профессионального сообщества. В 2017 году ассоциации исполняется 25 лет, и этому событию будет посвящена юбилейная конференция.

Ира, в начале интервью Вы отметили, что Ваш отец – социолог и Вы являетесь социологом во втором поколении. Более того, и Ваша дочь готовится

к тому, чтобы стать социологом. Пожалуйста, расскажите, как Евгения пришла к такому профессиональному выбору, каким было ее движение в профессию до обучения в Чикаго, в какой области социологии она специализируется в Чикагском университете?

Женя закончила магистерскую программу по социальным наукам (Social Sciences) в университете Чикаго, и в этом году начинает учебу в аспирантуре в этом же университете. Изначально она больше склонялась к сравнительной политологии, но сейчас, мне кажется, ее интересы все больше перемещаются в область социологии, во всяком случае, мне так представляется из наших разговоров и обсуждений.

Отвечать на вопрос о том, как она пришла к такому профессиональному выбору, мне сложно. Думаю, лучше пусть она расскажет об этом сама, если (возможно) будет давать вам интервью о своей профессиональной биографии.